МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ВЕРСТЫ

СТИХИ

«КОСТРЫ»
МОСКВА
1921

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ВЕРСТЫ

СТИХИ

Издание второе

„Костры“ — Москва
1922

Р. В. Ц.   № 1561.
Обложка работы проф. Павлинова, марка издательства работы Н. Н. Вышеславцева.

Анне Ахматовой

В их телегах походных заря
Мариулы, Марины...

Стихи моей дочери.

I

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле—деревья,
Это бродят золотым вином—грозди,
Это странствуют из дома в дом—звезды,
Это реки начинают путь—вспять!
И мне хочется к тебе на грудь—спать.

Январь 1917 г.

Только закрою горячие веки—
Райские розы, райские реки...

Где-то далече,
Как в забытьи.
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева,
Царское древо
В круглом раю.

Январь 1917 г.

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый
хлеб...
Рокот цыганских телег.
Вспять убегающих рек
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней
заре
Помните жаркое ржанье и степь в серебре?
Синий дымок на горе,
И о цыганском царе—
Песню...

В черную полночь, под пологом древних
ветвей,
Мы вам дарили прекрасных — как ночь —
сыновей,
Нищих—как ночь—сыновей...
И рокотал соловей--
Славу...

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры—
Звезды...

Январь 1917 г.

В очи взглянула
Тускло и грозно.
Где-то ответил—гром.
— Ох, молодая!
Дай погадаю
О земном талане твоем.

Синие тучи свились в воронку.
Где-то гремит,—гремят!
Ворожея в моего ребенка
Сонный вперила взгляд.

— Что-же нам скажешь?
— Все без обману.
— Мне уже поздно,
Ей еще рано...
— Ох, придержи язык, красота!
Что до поры говорить: не верю!—
И распахнула карточный веер
Черная—вся в серебре—рука.

Речью дерзка,
Нравом проста,
Щедро живешь,
Красоты не копишь.
В ложе воды тебя—ох—потопит
Злой человек.

Скоро в ночи тебе путь нежданный.
Линии мало,
Мало талану.—
Позолоти!

И вырастает с ударом грома
Черный—на черном--туз.

Май 1917 г.

В лоб целовать—заботу стереть,
В лоб целую.

В глаза целовать—бессонницу снять,
В глаза целую.

В губы целовать—водой напоить,
В губы целую.

В лоб целовать—память стереть.
В лоб целую.

Июнь 1917 г.

•

Из под копыт
Грязь летит.
Перед лицом
Шаль—как щит.
Без молодых
Гуляйте, сваты!
Эй, выноси,
Конь косматый!

Не дали воли нам
Отец и мать,
Целое поле нам—
Брачная кровать!
Пьян без вина и без хлеба сыт,—
Это цыганская свадьба мчит!

Полон стакан,
Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан.
Князем—цыган!
Цыганом—князь!
Эй, господин, берегись,—жжет!
Это цыганская свадьба пьет!

Там, на ворохе
Шалей и шуб,
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ—мониста.
Свистнул под чьей-то рукою
Шелк.
Кто-то завыл как волк,
Кто-то как бык храпит.
— Это цыганская свадьба спит.

Июнь 1917 г.

Заклинаю тебя от злата,
От полночной вдовы крылатой,
От болотного злого дыма,
От старухи, бредушей мимо.

Змеи под кустом,
Воды под мостом,
Дороги крестом,
От бабы—постом.

От щали бахарской,
От грамоты царской,
От черного дела,
От лошади белой!

Апрель 1917 г.

Я расскажу тебе—про великий обман:
Я расскажу тебе, как ниспадает туман
На молодые деревья, на старые пни.
Я расскажу тебе, как пагасают огни
В низких домах, как —пришелец египет-
ских стран—
В узкую дудку под деревом дует цыган.

Я расскажу тебе—про великую ложь:
Я раскажу тебе, как зажимается нож
В узкой руке,—как вздымаются ветром веков
Кудри у юных—и бороды у стариков.

Рокот веков.
Топот подков.

Май 1918 г.

Пожирающий огонь—мой конь!
Он копытами не бьет, не ржет.
Где мой конь дохнул—родник не бьет,
Где мой конь махнул--трава не растет.

Ох, огонь мой конь—несытый едок!
Ох, огонь на нем—несытый ездок
С красной гривою свились волоса...
Огневая полоса—в небеса!

Август 1918 г.

Каждый стих—дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец,—у колеи
На поклон ветрам—положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу—рай и позор.
Кто отец?—Может царь.
Может царь, может вор.

Август 1918 г.

Чтобы помнил не часочек, не годок—
Подарю тебе, дружочек, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки—
Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня—
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
Струны—зубья у расчески моей!

Чуть притронешься—пойдет трескотня
Про меня одну, да все про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня—
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
От меня ему вершочек—с версту,

Чтоб ко мне ему всé версты—с вершок,
Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня—
Семиструнная расческа моя!

Октябрь 1918 г.

Развела тебе в стакане
Горстку жженых волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилось, не спалось.

Чтобы младость—не в радость,
Чтобы сахар—не сладость,
Чтобы не ладил в тьме ночной
С молодой женой.

Как влосы мои златые
Стали серой золой.
Так года твои младые
Станут белой зимой.

Чтоб ослеп-оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох.

Октябрь 1918 г.

А во лбу моем—знай!—
Звезды горят.
В правой рученьке—рай,
В левой рученьке—ад.

Есть и шелковый пояс—
От всех мытарств.
Головою покоюсь
На Книге Царств.

Много-ль нас таких
На святой Руси—
У ветров спроси,
У волков спроси.

Так из края в край,
Так из града в град.
В правой рученке—рай,
В левой рученьке—ад.

Рай и ад намешала тебе в питье,
День единый теперь—житие твое.

Проводи, жених,
До седьмой версты!
Много нас таких
На святой Руси.

Июль 1919 г.

Мой путь не лежит мимо дому—твоего.
Мой путь не лежит мимо дому—ничьего.

А все же с пути сбиваюсь,
(Особо весной!)
А все же по людям маюсь,
Как пес под луной.

Желанная всюду гостья!
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости
А с внуком—пою.

Ко мне не ревнуют жены:
Я—голос и взгляд.
И мне ни один влюбленный
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю за́ ночь —
Мосты и дворцы.

(А что говорю, не слушай!
Все мелет—бабье!)
Сама поутру разрушу
Творенье свое.

Хоромы—как сноп соломы—ничего!
Мой путь не лежит мимо дому—твоего.

Апрель 1920 г.

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!

Живу—никто не нужен!
Взошел—ночей не сплю.
Согреть чужому ужин—
Жилье свое спалю.

Взглянул—так и знакомый
Взошел—так и живи.
Просты наши законы:
Написаны в крови.

Луну заманим с неба
В ладонь—коли мила!
Ну а ушел—как не был,
И я—как не была.

Гляжу на след ножевый:
Успеет ли зажить
До первого чужого,
Который скажет: пить.

Август 1920 г.

Целовалась с нищим, с вором, с горбачем,
Со всей каторгой гуляла—нипочем!
Алых губ своих отказом не тружу,
Прокаженный подойди—не откажу!

Пока молода—
Все как с гуся вода!
Никогда никому:
Нет!
Всегда—да!

Что за дело мне, что рваный ты, босой:
Без разбору я кошу, как смерть косой!
Говорят мне, что цыган-ты-конокрад,
Про тебя еще другое говорят...

А мне что́ за беда—
Что с копытом нога!
Никогда никому:
Нет!
Всегда́—да!

Блещут, плещут, хлещут раны—кумачем,
Целоваться я не стану—с палачем!

Москва, ноябрь 1920 г.

II

И сказал Господь:
—Молодая плоть,
Встань!

И вздохнула плоть:
— Не мешай, Господь,
Спать.

Хочет только мира
Дочь Иаира.—

И сказал Господь:
— Спи.

Март 1917 г.

Только живите!—Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг—словно с неба —ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
— Так молодую Бурю слушает Бог.

Июнь 1917 г.

Закинув голову и опустив глаза,
Пред ликом Господа и всех святых—стою.
Сегодня праздник мой, сегодня—Суд.

Сонм юных ангелов смущен до слез.
Безстрастны праведники. Только ты,
На тронном облаке, глядишь как друг.

Что хочешь—спрашивай. Ты добр и стар,
И ты поймешь, что с эдаким в груди
Кремлевским колоколом—лгать нельзя.

И ты поймешь, как страстно день и ночь
Боролись Промысел и Произвол
В ворочающей жернова—груди.

Так смертной женщиной,—опущен взор,
Так, гневным ангелом—закинут лоб,
В день Благовещенья, у Царских врат,

Перед лицом твоим—гляди!—стою.

А голос, голубем покинув грудь,
В червонном куполе обводит круг.

Март 1918 г

Плоти—плоть, духу—дух,
Плоти—хлеб, духу—весть,
Плоти—червь, духу—вдох,
Семь венцов, семь небес.

Плачь же, плоть!—Завтра прах!
Дух, не плачь!—Славься, дух!
Нынче—раб, завтра—царь
Всем семи—небесам.

Апрель 1918 г.

Не самозванка—я пришла домой,
И не служанка—мне не надо хлеба.
Я страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там на земле мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
—Возлюбленный!—Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя—Психея!

Апрель 1918 г.

На́ тебе, ласковый мой, лохмотья,
Бывшие некогда нежной плотью.
Всю истрепала, изорвала,—
Только осталось, что два крыла.

Одень меня в свое великолепье,
Помилуй и спаси.
А бедные истлевшие отрепья
Ты в ризницу снеси.

Апрель 1918 г.

В черном небе слова начертаны—
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

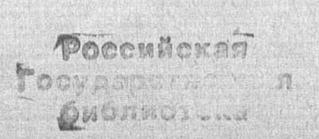
В поте—пишущий, в поте пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огнь над кудрями пляшущий,—
Дуновение—Вдохновения!

Май 1918 г.

Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость и Господен суд,
Благой закон—и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр,
И пыльный посох свой, где все лучи...
— Еще, Господь, благословляю мир
В чужому дому—и хлеб в чужой печи,

Май 1918 г.

Слезы, слезы—живая вода!
Слезы, слезы—благая беда!
Закипайте из жарких недр,
Проливайтесь из жарких век.
Гнев Господень—широк и щедр.
Да снесет его—человек.

Дай разок вздохнуть
Свежим воздухом.
Размахнись мне грудь
Светлым посохом!

Май 1918 г.

Руки, которые не нужны
Милому, служат—Миру.
Горестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала Лира.

Много незваных на царский пир.
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен—Мир.
Не понапрасну служим.

Июнь 1918 г.

Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает—и бездна пролегла
От правого—до левого крыла!

Июнь 1918 г.

Рыцарь ангелоподобный—
Долг!—Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.

За моей спиной крылатой
Выростающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь.

Страсть, и юность, и гордыня—
Все сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил:—Госпожа!

Июль 1918 г.

Доблесть и девственность!—Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой—

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши—Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

Июль 1918 г.

Так, высоко̀ запрокинув лоб,
— Русь молодая!—Слушай!—
Опровергаю лихой поклеп
На Красоту и Душу.

Над кабаком, где грехи, гроши,
Кровь, вероломство, дыры—
Встань, Триединство моей души:
Лилия—Лебедь—Лира!

Июль 1918 г.

Что другим не нужно—несите мне:
Все должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню.

Пламень любит легкие вещества:
Прошлогодний хворост—венки—слова...
Пламень пышет с подобной пищи!
Вы·ж возстанете—пепла чище!

Птица-Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю и горю до тла,
И да будет вам ночь светла.

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан—
Собеседницы и наследницы!

Август 1918 г.

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце—как маятник—как календарь.
Быть светской пустынницей стройного роста,
Премудрой—как всякая Божья тварь.

Знать: дух—мой сподвижник, и дух—мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато,—
Как Бог повелел и друзья не велят.

Ноябрь 1919 г.

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется—возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем Вас признав на веру,
—Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных—
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой
грудью—
Вечный апофеоз!

Что с глазу на глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

Май 1920 г

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь —
рванусь.
О милая!—Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки!—Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
—Смерть—выбью! Верст на тысячу вокруге
Растоплены снега и лес спален.

И если все-ж—плеча, крыла, колена
Сжав—на погост дала себя увесть,—
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом
Стихом возстать—иль розаном расцвесть!

Ноябрь 1920 г.

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух — не решить по
заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле!—Неба
дочь!
С полным передником роз! — Ни ростка
не наруша!
Знаю, умру на заре! — Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рвануcь за последним приветом.
Прóрезь зари—и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Москва, Декабрь 1920 г.

ПЕРЕЧЕНЬ:

I

II

МОГИЗ
Ц. 4—
№ 38

ИЗД-
ВО
КОСТРЫ

